

АРХЕЙ

ВЛАДИМИР СМИРНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Смирнов

Архей

«Автор»

2026

Смирнов В. В.

Архей / В. В. Смирнов — «Автор», 2026

«Архей» — мрачный философский роман о мире, в котором граница между реальностью, сном и воспоминанием становится всё тоньше. Город, лишённый солнечного света, медленно погружается в тревожное безмолвие, а его жители скрывают под масками не только лица, но и собственные тайны. Героям предстоит столкнуться с одиночеством, страхом смерти и вопросами, на которые невозможно найти простой ответ. Что остаётся от человека, когда привычная картина мира рассыпается? Можно ли вырваться из кошмара, если он стал частью тебя? «Архей» приглашает читателя в загадочное путешествие по лабиринтам человеческой души, где истина порой страшнее заблуждения, а путь к свету начинается во тьме. Внимание! Произведение содержит сцены физического и психологического насилия, описания пыток, суицида, жестокого обращения с животными и детьми, а также затрагивает тему каннибализма. Текст может показаться тяжелым для впечатлительных читателей.

© Смирнов В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДОМ ДЛЯ СЕМЬИ	5
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1. МУРАВЕЙ	10
Г	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Смирнов Архей

ДОМ ДЛЯ СЕМЬИ

Маленький мальчик, пригретый лучами короля небес,

Одержимый идеей радости для всех,

Дом решил построить для своей семьи —

Благородная цель, достойная похвалы;

Дизайн, вдохновленный мечтами святых,

Начертан тяжелыми думами судеб роковых;

Отринув милую помощь прародителей своих,

Холодный, черствый фундамент малыш заложил;

Отца не подпуская, как пес сторожевой,

Каменные стены для такого же сердца подросток возвел;

Изъев душу матери, очагу дома своего

Крышу, последний штрих, грозный мужчина нанес;

Скверный, озлобленный, еле дыша и стоя,

Утолив голод вековой, пожирая себя,

Обезумевший старик окинул взором свой дом

И тихим, слабым голосом прочел:

«Тяжелую ношу взял я на себя,

Был ли результат оправдан, ответьте мне, семья»;

Но, оглянувшись назад, он понял, что остался один:

«Матери и отцы, благодетели мои, где же вы?!»

Тихий ветерок гнал облака по небосводу луны,

Озаряя заросшие могилы вечно любившей маленького мальчика
родни.

ПРОЛОГ

«Просыпаясь, мы всегда надеемся, что этот день будет не таким, как предыдущий. Но, открыв глаза после тяжелого сновидения, вы видите продолжение сна или неизбежную реальность? А может, границ уже нет? В силах ли мы превратить кошмар в грёзу, а обыденность в миф?»

Темная июньская ночь распростёрлась над землей. Звезды решили спрятаться за густыми облаками и изредка выглядывали, подсматривая в окна домов. Пение птиц смолкло, сменившись стрекотанием сверчков и кузнечиков. Рядом с ними, у старого фонаря, мотыльки вышли на охоту. Кусочка света, немного тепла жаждали они в эту ночь. Друг за другом в безудержном танце они подлетали к плафону и каждый раз, отскакивая от нагретого стекла, снова устремлялись к свету.

Один мотылек, отбившись от своих собратьев, решил поискать удачи в другом месте. Он метался из стороны в сторону: то резко взмывая, то почти падая, то зависая на месте с трепещущими крыльями. Раз за разом он устремлялся к едва заметному отблеску, но тот растворялся в темноте, пока он не увидел яркое свечение вдали. Возможно, это была еще одна иллюзия, но мотылек устремился на этот свет. Он летел, но расстояние не сокращалось: то легкий ветерок сбивал его с курса, то тьма поглощала все ориентиры. Но та иллюзия, то яркое свечение продолжало гореть, и это придавало ему сил. Пройдя через все испытания, он долетел до этого яркого свечения. Старый небольшой теплый фонарь был привинчен к одиноко стоящему дому. Изможденный мотылек присел на него и наконец-то смог насладиться его теплом. А под фонарем стояли двое людей: мужчина и женщина.

— Как меня всё это достало! — крикнул мужчина. — Каждый день одно и то же. Можно мне, пожалуйста, хоть несколько минут спокойствия!

— Тише, всех разбудишь! — пыталась успокоить его женщина.

— Это ты мне говоришь?! Ты сама начала кричать как ненормальная и закатывать истерику. Так пускай все слышат наш разговор, нам нечего от других скрывать, пусть все знают, какой я мерзавец, а ты — бедная и измученная жертва. А может, в ходе нашего доброго диалога вскрылись какие-то новые обстоятельства? Так пусть и о них узнают!

Мужчина достал из брюк пачку сигарет, вынул сигарету и закурил, затем продолжил:

— Вернувшись домой, я не хочу, чтобы меня пилили, а хочу тишины, чтобы просто все заткнулись и не мешали мне отдыхать!

— Так может, не стоит напиваться?

— Напиваться? Я немного выпил по дороге. Сделал пару маленьких глотков. Ты знаешь, что сегодня у меня творилось на работе?

— Немного по дороге, а остальное дома, верно?

Мужчина непонимающе посмотрел на неё. Женщина зашла в дом и через минуту вышла, кинув ему под ноги небольшую бутылку с алкоголем.

— Действительно, совсем немного!

Мужчина затаился и грозно посмотрел на женщину.

— Не смей так говорить. Ты сама знаешь, что это всё в прошлом и я держу себя в руках.

— А это тогда что? Может, неожиданный мне сюрприз или мой тебе фокус?

Мужчина поднял бутылку и взглянул в неё.

— Это... Это старая. Я даже не помню, чтобы она у меня была.

— Конечно, оправдывайся.

Между ними нависло молчание, и оба исподлобья смотрели друг на друга. Тем временем мотылек, изнежившись в тепле и внимательно слушая их разговор, оставил фонарь и начал кружить над ними, прокладывая тропинку по большому темному пустырю.

— Завтра такое важное событие в её жизни. Она нуждается в тебе, и я нуждаюсь. Надеюсь, ты будешь выглядеть хотя бы как человек.

На лице женщины промелькнули грусть и усталость. Она попыталась приблизиться и обнять мужчину, но он резко оттолкнул её, отчего та, потеряв равновесие, упала на землю.

— Не лезь ко мне! — злобно сказал мужчина. — Хотя бы как человек? Я что, по-твоему, монстр?!

Страхом исказилось её лицо, и слезы начали литься из глаз.

— Ну вот, хватит, только не начинай опять.

Тихие всхлипы разрывали мертвую тишину. Мужчина чувствовал, что сейчас он позволил себе лишнего, то, от чего он давно отрекся, но поднять её и извиниться перед ней он не мог. Злость и чувство, что им манипулируют, нахлынули на него. Вздохнув, он махнул рукой на лежащую, выбросил сигарету и, развернувшись, отправился во тьму вместе с бутылкой, а позади доносились тихие всхлипы, постепенно переросшие в рыдания.

Мотылек метался над плачущей женщиной, лежащей на холодной земле и закрывшей ладонями лицо. Он подлетел к её лицу, кружась в надежде, что она заметит его, но она не замечала. Жар исходил от неё, но он был не настолько сильным, как у мужчины. Мотылек вспорхнул над ней и полетел в сторону мужчины. Летя над темной землей, он увидел его, шагающего по одинокой тропе, и, догнав, присел ему на плечо.

— Вот дура, какая дура. И ведь нужно ей каждый раз доводить меня до белого каления, — произнес мужчина и, остановившись, стал разводить руками. — Мда, от женщин одни проблемы, капризы и бесконечные: «А почему ты не угадал, что я хочу?», «А почему ты не такой, как был в начале?», «А почему ты выпил?», «А почему?», «А зачем?», «А как так?». А вот так.

Мужчина сорвал крышку с бутылки резким движением и, поднеся горлышко к губам, жадно влил в себя содержимое. Капли вырывались из рта и скатывались по подбородку, падая на ворот рубашки. Сделав пару больших глотков, дававшихся ему с большим усилием, он отстранил бутылку и закашлялся.

— Вот так... — вытирая тыльной стороной ладони губы и смеясь, сказал мужчина. — Вот так оно всё и происходит. Но ничего, прорвемся.

Он посмотрел на бутылку. В ней оставалось еще больше половины. Он поднес её к губам, но вдруг остановился. Рука дрогнула, и он медленно опустил сосуд. Его взгляд был устремлен вдаль, и что-то промелькнуло в его глазах. Мужчина покрутил бутылку в руках и провел пальцем по этикетке.

«Ах ты, жалкий мерзавец», — подумал мужчина.

Крепко сжав емкость, отчего костяшки на руке побелели, он замахнулся и кинул бутылку во тьму. Раздалось громкое, резкое дребезжание бьющегося стекла. Из соседнего двора донёсся лай.

— Заткнись! — крикнул мужчина в сторону собаки, и та, заскулив, постепенно начала умолкать.

Два путника продолжили свой путь. Тучи, скрывавшие луну, начали таять, открывая белый свет, указывающий дорогу. Мужчина то бурчал что-то себе под нос, отчего его тело содрогалось, то снова затихал. В таком неспешном монологе они вышли к полю, большому просторному полю, покрытому пшеницей. Мужчина вошел в него, и зеленые неспелые колосья мягко коснулись его рук. Вдалеке посреди поля росло одинокое раскидистое дерево. Его тяжелые гроздья дарили свой душистый аромат всем странникам, проходящим рядом. Мужчина

дошел до дерева и сел подле, опершись о него, а мотылек, вспорхнув, начал облетать крону, изучая её.

— Давно не виделись, старина, — произнес он, похлопывая ладонью по стволу. — Всё так же здесь стоишь, а впрочем, куда тебе деваться. Ты глубоко врос корнями в землю, и теперь это твой дом. Другого ты не знаешь. А мне иногда так хочется всё бросить и... и даже не знаю что. Меня становится слишком мало.

Мужчина опустил руки на колени и поднял вверх ладони. Он отрешенно всматривался в линии, маневрирующие между царапинами и мозолями и разрезающие ладони.

— Я боюсь потерять себя вновь.

Мотылек, завершив свой полет, плавно спланировал на его ладонь. Расположившись поудобнее и слегка подрагивая крыльями, он изучающе смотрел в глаза мужчине, а мужчина смотрел на него. Противоречивые чувства нахлынули на него. В мгновение ока, злобно оскалившись, почти неосознанно мужчина замахнулся, чтобы прихлопнуть ни в чем не повинного мотылька.

— Гадкое насекомое!

Но в последний момент он замер. Глубинные забытые воспоминания нахлынули на него. Его пальцы дрогнули, и рука опустилась. Он глубоко вздохнул и сказал:

— Лети отсюда, не нужно тебе тратить время со мной. У тебя его и так мало.

Мужчина встряхнул рукой, и мотылек, вспорхнув крыльями, поднялся над ним, но улетать не собирался. Опустившись на ветку и притаившись, он продолжил смотреть на него.

«Еще так долго до рассвета. Вот бы эта ночь никогда не кончалась», — подумал мужчина и, закрыв глаза, погрузился в глубокий сон.

Белая луна вышла, выглянув из-за туч и осветив поле, дерево и самого мужчину. Последние огни в окнах домов погасли, и для всего мира наступила пора небытия.

ГЛАВА 1. МУРАВЕЙ

Глубокий вдох, а затем выдох пронзили пространство. Грудная клетка расширилась, а затем сузилась. Капли пота тоненькой струйкой стекали по грязным бинтам, обволакивающим лицо незнакомца, и падали на серую наволочку. Человек пробудился ото сна. В широко раскрытых глазах дерганные зрачки перебегали с одного места на другое, ища точку опоры в предметах полузабытого интерьера. Потолок, окно, дальний угол комнаты, пол. Зрачки пробежали по ним и со временем успокоились, застыв, возвратившись к окну. Прошел невзрачный день, не оставив крупницы воспоминаний. Ночь прошла, и кошмар окончился. Человек зажмурил глаза и стиснул зубы. Его голова начала болеть. И всё вернулось на свои места.

«Боже, еще один день, еще одна боль, когда она уже утихнет? Хоть бы одно утро проснуться без боли. Пожалуйста, только одно», — думает человек.

Перевернувшись на спину, он потер глаза и продолжил смотреть в окно. Тусклый свет падал на пол, освещая тяжелую столетнюю пыль. Дождь слегка покрывал за окном, оставляя свои следы на стеклах. Осень только начиналась. Без особого желания человек сел на кровать, опустив ноги на обшарпанный паркет. Некогда он был темно-коричневого цвета. Теперь он показывал своим видом, что на него уже давно не ступала нога человека.

Человек перевел взгляд на окно и вздохнул. Не имея возможности и права оторвать понурый взор от вида, он собрался с силами и встал с кровати. Резким ударом по голове и потемнением в глазах отозвалось его безрассудное поведение, и его начало мутить. Человек, оглушенный сам собой, упал на колени. Тошнота всплеском подступила к горлу, и во рту начали ощущаться тонкие нотки железа и ржавчины. Человеку, за непонятно сколько прожитых дней привыкшему к этому вкусу, это не доставляло удовольствия, и потому, сначала ползя на коленях, а затем, сжав кулаки, постепенно вставая на ноги и шатаясь, он спешно пошел в ванную. Снова опустившись на колени, как при мольбе перед алтарем, он обнял унитаз и выплеснул сгнившие остатки. К стекающим слюням, сопровождающим его «дары», прибавились слезы радости от очищения или горькой обиды от потери тех запасов, что копились с прошлого извержения. Так или иначе, он терял частичку самого себя.

Человек нажал кнопку на бачке, и водоворот унес всё в темную бездну с глухим роко-том, напоминающим далекий гром. Он встал перед зеркалом и уперся руками в края раковины. Голова понемногу прояснялась, и после недолгого разглядывания раковины его взгляд поднялся к зеркалу.

Толстые слои нетканых бинтов, много раз намотанные друг на друга, укутывали лицо, оставляя небольшие отверстия для глаз и рта. Желто-коричневые, грязные, засаленные тряпки, на которых местами можно увидеть проступающие подтеки крови. Мужчина осматривал их, как будто видел в первый раз, и дотрагивался так аккуратно, словно ощупывал древнюю реликвию.

«Откуда они взялись и что под собой скрывают? Молодой и сильный мужчина или старый, умирающий старик? Приятно ли я удивлюсь, снимая их, или ужаснусь от мерзости, скрывающейся под ними? Узнать, видимо, мне этого не суждено», — думает он.

Долгое время его преследовало желание снять бинты, и каждый раз он отодвигал тот неизбежный день, когда они будут сняты. Ладонь спустилась с лица и повернула кран. Треск раздался в трубах, и через несколько секунд мутная вода начала литься, заполняя потрескавшуюся лакированную поверхность раковины.

Плесень, прекрасно понимая, что никто не собирается препятствовать её экспансии по раковине, захватила её и начала разрастаться в местах сколов и длинных трещин. Мужчина подставил ладони под льющуюся воду и поднес их к лицу. Ему пришла мысль, что, если бы

не отсутствие запаха, её можно было бы сравнить с водой из канализации. А может, это она и есть. Скрытая мимика лица искривилась, а холодная вода освежила лицо дремавшего путника. Мужчина зачерпнул еще горсть воды, и она легла на короткие седые волосы, постепенно стекая на худое, с заметно выпирающими под кожей костями изможденное тело.

Он поднял взгляд на зеркало. Оно всегда рассказывало ему правду о себе. И тут, глядя по другую сторону зеркала, он встретил себя.

— Дружище, сколько дней мы не виделись? Ну и видок у тебя, загляденье. Опять снились чудные сны? — спросил человек в бинтах из зеркала.

— Да, и с каждым днем они становятся всё ярче.

Мужчина приблизился к зеркалу и двумя пальцами широко раскрыл веко. Темно-серая радужка, от которой сетью разбегались кровеносные сосуды, смотрела на него. На зрачке виднелась белесая пелена, и человек хотел ужаснуться от увиденного, но это для него не в новинку. Больной взгляд человека, на которого страшно смотреть. Когда-то он боялся ослепнуть, но теперь он просто не может. Чувства притупились, и он смертельно устал бояться. Весь его организм понемногу отказывал. И приходилось только успокаивать себя, надеясь, что когда-то это пройдет.

«Можно ли считать себя нормальным человеком, если мутной воды мне достаточно, чтобы привести себя в порядок?» — подумал человек, опуская взгляд на воду.

Тюбик зубной пасты, лежащий на краю раковины вместе с зубной щеткой, притягивал своим пыльным видом мужчину. Он взял его в руки и долго изучающе всматривался в этикетку. Открутив колпачок, человек выдавил содержимое в раковину, но вместо привычной жидкой консистенции посыпалось рассыпчатое белое вещество, сродни сыплющейся со стен штукатурке. С омерзением он бросил тюбик в раковину. До зубной щетки дотрагиваться не стал. Результат был ясен. Лучше дать жить бактериям во рту, чем замещать их — страшно подумать — чем. Своё всегда роднее.

— Сколько дней я спал, что всё, что я знал, успело сгнить и испортиться? — спросил герой у зеркала.

На сей раз зеркало решило промолчать.

— И так всегда: в ненужные моменты тебя не остановить, но когда действительно появляется важный вопрос, ты молчишь.

Человек зачерпнул воду и брызнул ею в зеркало. Десятки капель воды разбились на сотни автопортретов. Вытерев голову висевшим на стене полотенцем, он облегченно вздохнул. Чистым он не стал. Герой вышел из ванной комнаты и вернулся в спальню.

Жилая площадь мужчины была представлена небольшой квартирой, в которой, если сделать несколько шагов от стены, можно упереться в другую стену. Но фокус заключался в том, что если на них не смотреть, то возникает чувство, будто они отступали и комната становилась больше. Чего нельзя сказать о потолке, давящем сверху своей белой массой.

Герой подошел к окну и распахнул его. Кашель вырвался из него, освобождая место для поднимающегося тяжелого запаха. Из окна открывался вид на высокую стену. Монструозное, угнетающее сооружение из черного камня закрывало собой всё. В тени этой конструкции вряд ли что-то способно жить. Сколько ни пытайся разглядеть её границы, каждый раз голова билась об оконную раму. Из-за её размеров только шепотки белого света проникали в квартиру. Иногда мужчина хотел дотронуться до неё, но не позволял себе. Очень темная аура исходила от неё.

«Смогло бы какое-нибудь растение вырасти, если посадить семя в трещины подоконника?» — задумался человек, ковыряясь в них ногтем. — «Видимо, в этой квартире выживет либо оно, либо я».

Поверх окна сбоку на карнизе висел тюль, больше похожий на потрепанную половую тряпку, которую никто при первом взгляде на неё не смог бы лаконично назвать «занавес-

кой». В первые дни после «пробуждения» он пытался занавешивать ею окно, чтобы хоть как-то скрыть стену, но вид от этого становился не менее удручающим.

Под стеной лежали большие кучи мусора. Жильцов дома, видимо, не сильно заботил тот смрад, который источали отходы. Если гадить под себя, не стоит удивляться запаху и грязи. Последствия всегда догоняют поступки. Глядя на отходы, мужчина старался приметить что-то новое, чего раньше не видел, а может, и нужное для себя. Пока в один из дней среди дрянной мебели, остатков пищи и других ненужных пережитков жизни человек не увидел тело.

Сосед, которого он никогда не видел, или очередной скиталец, бесцельно блуждающий по городу, лежал распростертый в мусоре. Он был в прилично и хорошо сидящем костюме, с темными зачесанными набок волосами и пустыми глазами, смотрящими в его окно. На протяжении многих дней труп гнил среди прочих отходов, и никто не собирался проводить уборку. Никто не искал его, никто не помог ему. Может, он нашел здесь свое упокоение. Какое-то время невыносимая вонь исходила от этого мусора, но время шло, и мужчина привык. Почти привык.

Мужчина выпрямился, потянулся и обернулся. Его спальня была пустой, оттого и просторной. Стены, как и потолок, были покрашены белой краской. Лишний раз герой боялся к ним прикасаться, чтобы не оставить на них следов, не замечая, какой след они оставляют на нём.

К стене вплотную была приставлена небольшая железная кровать. Жесткий, черствый матрас поверх металлической сетки — чтобы не лежать на ней дольше нужного, и грязное серо-коричневое белье, испачканное кожными и не только выделениями во время бесконечно долгих пребывания во сне. На такой же подушке местами проступали засохшие следы крови, превращая кровать в символ абстракционизма, ясно передающий внутреннее состояние своего художника.

Небольшой журнальный столик стоял подле неё. Другие бы использовали его как подставку под вазу, украшенную живыми цветами, продолжающими расти в чистой воде и радующими своим запахом и видом. Но обычно в таких вазах находится имитация жизни. Вечно живые цветы, которые никогда не увянут, которые не просят влаги, света и, конечно, любви.

«Прямо как я. Значит ли это, что я — имитация? Может, я всего-навсего бездушный пластик», — пришла мысль в голову, пока мужчина проводил ладонью по столику.

Рядом с кроватью на стене висели четыре полки, но при этом ничего на них не стояло. Одна из них сорвалась со стены и упала на пол, возможно, от тяжелого бремени своей ненужности. Человек задумался, когда в последний раз он читал книгу или хотя бы журнал, но не мог вспомнить, да и где их взять. Зачем создавать то, что не пользуется спросом? Мужчина смотрел на полки и подмечал, что всё-таки они не пустые. На них лежала пыль.

«Пыль, везде одна пыль. Может, даже я уже покрылся ею или она мной. Зачем же убирать её, если каждый день она снова появляется на своем прежнем месте? Мартышкин труд. А вот если её собрать в банку и хранить на этой же полке, то полка уже не будет пустой и грязной. При этом каждая частица хранит свою историю. Люди, дома, улицы, стены — всё это может поведать она вместо книг. Сколько скрытых от глаз историй, да только кто захочет их знать?»

Человек слегка улыбнулся и снова погрузился. Надев висевшие на краю кровати штаны и кофту, он задумался о том, чем бы ему сейчас заняться. В это время желудок начал урчать, давая знать о голоде. Вот и ответ. Мужчина направился на кухню, которую вряд ли можно было так назвать: скорее это был небольшой вырез в стене, в котором помещались холодильник, пара шкафчиков и раковина. Человек открыл холодильник, который был наполовину заполнен железными банками с едой. Еда ничем не отличалась от той, что выдавали на фабриках. Вся она была отработана часами труда. А чтобы труд был полезным, нужно хорошо питаться.

«Состав полностью состоит из мяса, которое принадлежало...» — мужчина пытался закончить мысль, но сам не понимал, что это за мясо.

Мужчина взял одну из консерв, отодвинул на кухне ящик, взял ложку и, пройдя в спальню, сел на кровать. Потянув за кольцо, он приподнял крышку консервы. Темно-красное кашеобразное нечто с отчетливым металлическим запахом встретило его. Мужчина зачерпнул ложкой сгусток и положил его в рот. Запах полностью определял вкус блюда. Кислая мина появилась на его лице, и ему захотелось плакать. Чтобы не смотреть внутрь консервы, он перевел взгляд на окно, отчего вкус многократно ухудшился.

Мужчина закрыл глаза и пытался представить себе еду, настоящую еду. Овощи перемешивались с фруктами, мясо с крупой; орехи, яйца, пироги, рыба, ягоды. От всей своей фантазии человек старался получить удовольствие, постепенно зачерпывая и кладя в рот новые куски мяса.

«Каково это — готовить? Нарезать, пожарить, сварить, смешать и получить бурные овации за получившийся шедевр. Но при этом тратить час жизни на то, чтобы совместить ингредиенты. Все равно ли будет желудку, в какой вариации это в него попадет? Да, всё равно. Но ведь у нас есть вкус. Есть не только чтобы жить, но и чтобы получать удовольствие. Еда для счастья!»

Герой одобрительно кивнул. Пришедшая к нему великая мысль вызвала прилив сил. Пробегая взглядом по комнате, он подумал:

«Грязновато тут, хотя нет — тут настоящий бардак. Так больше жить нельзя. Надо будет как-нибудь выделить время на уборку».

В это время, пока человек уже несколько минут продолжал свой прием пищи, за ним наблюдал гость. На кухне, между холодильником и шкафом, из небольшой дыры толщиной в указательный палец, подрагивая антеннами, шевелил головой муравей.

Мужчина переводил взгляд по объектам интерьера, погруженный в мысли об уборке, пока не остановился на дыре. Он тоже заметил муравья. Его лицо прояснилось, и человек улыбнулся.

— Привет, дружок, — сказал мужчина муравью, на что тот в ответ кивнул и пошевелил антеннами. — Сколько дней мы не виделись! Наверное, приходилось добывать самому себе пропитание, да еще и для своей колонии. У тебя же есть колония? Своя семья.

Мужчина с легкой улыбкой зачерпнул ложкой кусочек мяса из банки и кинул на пол перед собой. Маленький коричневый муравей отреагировал на его жест, сползая по стене, и короткими перебежками подбежал к угощению. Пристроившись к нему жвалами, он начал отрывать части мяса и спешно запихивать их в себя.

— Вижу, дружок, ты успел прилично проголодаться. Понимаю. Ты мне уже стал как домашний питомец. А я каждый раз, засыпая, бросаю тебя на произвол судьбы. Вот был бы ты побольше — сошел бы за кошку, и я бы гладил и кормил тебя. Гладил и кормил. И чесал бы за ушком, если оно есть у тебя.

Человек зачерпнул еще и бросил также рядом с муравьем, чуть не попав по нему. Муравей, быстро управившись с одним куском, тут же приступил ко второму.

— Не торопись. Еды у меня полно. Жуй и смакуй. Эх, вот бы ты мог говорить. Смог бы поведать мне о своей жизни. Наверное, каждый раз, выбираясь за пределы, тебя кто-нибудь да норовит растоптать. Я ведь прав? — мужчина посмотрел на муравья, который был увлечен трапезой и не обращал на него внимания. — Да, я прав.

Проходит несколько минут, и муравей, доев свое угощение и не оставив после него даже жирных пятен на полу, уже побежал в свое убежище.

— Надеюсь, сегодня я смог угодить тебе, — говорит мужчина вслед. — А если нет, то ты в следующий раз напиши мне свое меню. Может, я смогу достать для тебя что-нибудь повкуснее. Договорились?

Муравей остановился у норки и, как будто поняв, что говорит ему человек, слегка наклонил голову, на что мужчина тоже кивнул, и муравей забежал в дыру.

— Всё-таки о своих питомцах мы заботимся лучше, чем о себе. В этой комнате встретились два муравья: пока один не видит смысла, другой упорно ищет путь, — сказал человек и, оставшись вновь наедине, произнес про себя: — И день за днем погоню мы ведем, и ночь за ночью тропы хороним.

Встав с кровати и подойдя к открытому окну, мужчина выбросил в него пустую банку. Сделав пару пируэтов в воздухе, она приземлилась на мусор и покатилась, пока не остановилась у разлагающихся останков мертвеца. Мужчина посмотрел на всё это безобразие, вздохнул и взял лежащую на подоконнике пачку сигарет. Дождь за окном стих. Присев на подоконник и полуразвернувшись к улице, герой достал из пачки сначала зажигалку, потом сигарету. Положил её в рот и, прикурив, вдохнул тяжелый дым.

Табачный чад заполнил легкие. По телу начала пробегать легкая дрожь, а следом за ней наступил кашель. Человек отстранил от себя сигарету и сильно, вымученно закашлялся, временами выплевывая мокроту за окно.

«Сколько непонятной травы вместо табака в неё напихано, хотя откуда в нашем городе трава? Здесь вообще всё мертво, кроме понурых и злых людей...» — подумал человек, краем взгляда цепляясь за дыру. — «Ну и кроме тебя. И того чудака в зеркале. Остальные не выжили. Не смогли».

Взгляд его вернулся к пейзажу за окном и остановился на трупе. Мысли постепенно смолкали и вспыхивали вновь:

«Может, он старался перепрыгнуть через стену или взобраться на неё, и это оказалось для него непосильной задачей? С какой стороны он пришёл и куда направлялся? Хотел ли он примкнуть к власти имущим и пожить немного в удовольствии или устал от их показанной напыщенности и скрытой злобы и решил незаметно сбежать, чтобы почувствовать себя живым, хоть и ненастоящим? Обе эти цели несут только новую боль, не залечивая старых ран. Наверное, он просто умер. А я нафантазировал себе историю про изгнанного самим собой героя».

Мужчина хотел поглумиться над ним и выдать остроумную прибаутку, но понял, что над покойником шутить нельзя. Скоро он сам окажется таким же и не хотел, чтобы над ним шутил человек, кидающийся консервными банками и плюющий рядом с ним.

Вдалеке донесся скрежет включения громкоговорителя, предвещающий начало воспроизведения записи. Каждый день несколько раз в разное время, через городскую сеть вещания транслировалась запись разговоров главы города и женщины, скорее всего, интервьюера. Иначе зачем тратить время на бессмысленные разговоры? Но темы их бесед всегда были разнообразны и, скорее всего, будоражили умы горожан.

«Ну, сейчас начнется», — подумал человек и затянулся сигаретой, начиная вслушиваться в разговор.

— Господин Мэр, добрый день, — донесся женский голос из громкоговорителя.

— Добрый, добрый, — ответил мужской.

— Сегодня нашим слушателям хотелось бы услышать ваше мнение по поводу аборт. Как вы считаете, можно ли убить ребенка, который еще не появился на свет?

— Да, думаю, что да, ведь у ребенка еще не сформировано понимание того, как устроен наш мир. Видите ли, я считаю, что человек становится человеком только в тот самый момент, когда появляется на свет из лона матери. Только тогда, когда начинает осознавать себя как человека. А пока этого не случилось, это всего лишь... мясо.

— Какое грубое сравнение. То есть я правильно вас понимаю, что еще не родившийся человек не имеет права на жизнь?

— Нет, неправильно. Конечно, он может и имеет право на жизнь, но та самая жизнь зависит от решения его родителей. Я только говорю о том, что не родившийся ребенок — не значит, что это человек.

— Ясно, то есть его не жалко будет убить посредством аборта. Вы к этому ведете?

— Верно.

— А если смотреть дальше, если дать право ребенку на жизнь, позволить ему появиться на свет? Пусть он и незапланированный, но он же может кем-то стать. Хорошим, полезным членом нашего общества. Может, даже кем-то великим.

— Дети рождаются пустышками. Они не понимают этот мир. Не могут отличить добро от зла. Даже не могут сформулировать свою мысль, для этого нужна основа. И эту основу дает окружение, и посредством данного мировосприятия формируется мировоззрение. Допустим, ребенок рождается в семье, в которой он предоставлен сам себе. Отец, мать, родственники не следят за ним, проще говоря, всем в семье на него плевать. И тут ребенок встречает плохую компанию. Как думаете, чего он от них наберется? Он будет впитывать всё самое плохое, пока, переполнившись, не взорвется, орошая своими идеями других людей и задевая своими поступками окружающих. Получается, не такой уж и великий человек получился.

— Но не все же встречают плохую компанию.

— Не все. Дело даже не в плохой компании, а в негативных поступках, оказывающих на нас влияние. Ими полон мир.

— Так, а кто в первую очередь формирует мировосприятие?

— Конечно, родители.

— А если их нет?

— То там уже как получится. Кто первый попадется.

— Обобщим. То есть, по вашему мнению, не родившийся человек не является человеком, так как себя не осознает, а значит, может быть убит. Но всё это с небольшой поправкой на родителей, так как они и дают право на жизнь.

— Верно.

— Понятно. Тогда последний на сегодня вопрос. Если бы вы узнали, что у вашей супруги будет ребенок, ваш ребенок, но вы не сильно его хотели или просто не задумывались о нём, вы бы предложили ей сделать аборт?

Запись ещё несколько секунд продолжается, но диалога было не слышно. Мэр, видимо, решил не отвечать на этот вопрос. Вскоре донесся скрежет прекращения записи. Бумага сигареты истлела полностью, и на подоконнике горсткой лежал пепел. Мужчина посмотрел на оставшийся от неё фильтр в руке и выбросил его в окно. Встав и закрыв створки окна, мужчина прошел в коридор. Солнце, скрытое за тучами, освещало своим белым светом город, а значит, наступило время для работы. Надев ботинки и пальто, герой посмотрел в зеркало, висевшее рядом со шкафом в коридоре, улыбнулся своему отражению и неспешно направился на улицу.

Весь путь до рабочего места на фабрике, пролегал как в тумане. Сложив руки в карманы, опустив взгляд под ноги и не замечая прохожих, человек дошел до неё. Огромное здание с сотнями труб, одна из которых — самая высокая и массивная — уходила в небо. Человек смотрел на всё величие и громоздкость сооружения и вздыхал. Он не знал его сути, его смысла, но у него есть работа, и её нужно выполнить. С чувством невыполненного долга он зашел в его огромные ворота.

Ни с кем не здороваясь, едва замечая силуэты работающего персонала и слыша отчетливые звуки ударов молотков, лязг металлических деталей, шум работающих приборов и капание воды, спокойно и равномерно падающей и ударяющейся о водную поверхность, и выбивающееся из всего этого шума, герой прошел в небольшую неприметную каморку. Включив свет и повесив пальто на крючок рядом с дверью, он прошел в центр, где из-под земли выходила труба с вентилем для сброса давления.

Мужчина посмотрел на манометр рядом с вентилем. Стрелка судорожно колотилась на одном месте. Давление подходило к критической отметке.

— Вот это я вовремя пришел, — сказал мужчина и, крепко ухватившись руками за вентиль, с большим усилием стал его прокручивать.

Измотанная стрелка начала стремительно падать к нулю. Ни выброса пара, ни хотя бы легкого землетрясения — ничего, что говорило бы о том, что он выполнил свою работу, сделал её на отлично и, может, даже предотвратил страшную катастрофу. Ничего. Никто не узнает о том, что он сейчас сделал. В его каморку никто не заходил, да и сам работник в какой-то мере был рад этому.

«И так каждый день. Наверное, каждый. Интересно, бывало ли такое, что я прихожу, а давление ещё не на самой высокой отметке? Я не помню. Как будто кто-то специально ставит стрелку на максимум только для того, чтобы я работал. Или создавался вид, что работа идет», — подумал герой, садясь на табуретку у стены.

Достав из пачки и закулив очередную сигарету, герой протер лоб и, глядя на вентиль, вздохнул.

— Вот зачем ты здесь нужен? — с небольшой долей укора мужчина обратился к вентилю. — Может, у тебя есть какое-то особое назначение, о котором я не знаю? Да я даже не знаю о твоём базовом назначении. Крутить вентиль только ради того, чтобы упала стрелка. Моя работа больше походит на онанизм, чем... на какую-то другую работу. Важную работу. Может, ты ответишь мне и расскажешь?

Вентиль молчал.

— Ладно, я понимаю, что я с тобой никогда не общался и отношений между нами быть не может. Если только чисто рабочие моменты. Притом у тебя нет рта, ушей, и ты вообще не живой, так что можешь даже меня не понимать, — мужчина затаился и улыбнулся. — Можешь? Я это произнес так, будто у тебя это всё может появиться. И ты каким-то чудом внезапно станешь разумным существом. Но знай: за все недостатки, которые у тебя есть, тебя никто не осудит. Особенно я.

Вентиль понимал.

— Каждый раз, находясь в этом помещении, мне кажется, что я схожу с ума, — сказал герой и положил ладони на голову. — Как далеко распространяется твоя власть? Тысячи труб, извиваясь, как змеи, пронизывают землю, или ты всего лишь муляж и под тобой ничего нет? Может, я сам должен понять, зачем ты нужен. Зачем тебе нужен я, — мужчина вздохнул. — Скорее всего, мы видимся в последний раз. После «пробуждения» никто не здоровался со мной, не спрашивал меня ни о чем, не окликал на улице. Видимо, семьи, друзей и знакомых у меня нет. А ещё с каждым днем мне становится всё хуже и хуже. Сколько лет я начинаю свое утро с того, что бегу в туалет отрывая вчерашний день. Очень много. Всё чаще мне кажется, что если я усну, я больше не проснусь. И если мой последний день близок и я вскоре в последний раз проснусь в этом городе, тогда я собираюсь немного пожить для себя. Завтра я думаю прогулять свою смену и просто погулять по городу. И мне будет всё равно, что будет с давлением и взорвется ли город из-за меня. Ты ведь слушаешь меня?

Вентиль слушал.

— Столько лет я кручу тебя. Кто и зачем направил меня на эту работу? Только небольшая бумажка подтверждает, что я закреплен за этим рабочим местом. А по факту... Хотел ли бы я когда-нибудь быть здесь с тобой? Ладно.

Мужчина встал с табуретки, потушил сигарету, вплавляя её в стену, и продолжил:

— Думаю, пора нам с тобой прощаться. Наверное, больше мы с тобой не увидимся. Я глубоко уверен в этом. Так что если между нами были какие-то обиды и недопонимания, то прости меня. Руки не подаю, так что не хворай.

С последними словами мужчина надел пальто, выключил свет и вышел из своей каморки. Путь он держал обратно домой, а вентиль всё продолжал и продолжал стоять.

Придя домой в темноте, герой разделся и нажал на выключатель. Теплый свет озарил комнату. Это был единственный источник света, похожий на настоящее солнце, которого муж-

чина никогда не видел. Глядя на горящую на потолке лампу, он чувствовал, что ему становится немного легче, и вместе с этим к нему пришло одно желание.

Он вышел на середину комнаты. Шаг вперед, шаг назад, влево, вправо. В такт движениям ног прибавилось легкое покачивание головой. Его левая рука была вытянута в сторону с поднятой вверх ладонью, а правая, согнутая в локте, была перед ним, словно он воображал, что с кем-то танцует. Движения были осторожными и робкими, но только поначалу. Постепенно он начал сильнее раскачиваться, и его движения превратились в порыв. Мужчина кружился по комнате, в его голове звучала музыка, которую он никогда не слышал, а на его лице цвела широкая улыбка. Руки больше не были перед ним: он размахивал ими, притопывал ногами и продолжал кружиться — да так кружился, что задел прикроватный столик, отчего тот с грохотом упал. Каждое его движение было свободным и живым.

Но всему прекрасному приходит конец. Герой остановился на том же месте, где и начал. Его глаза сузились, а вместо улыбки остался только жесткий сомкнутый рот. В нем боролись противоречивые чувства. Он одновременно хотел продолжать и осуждал себя. И ко всему вдобавок добавился глухой кашель, поставивший точку в этой дилемме.

Вдоволь закашлявшись, мужчина поднял опрокинутый столик и прошел на кухню. Взяв из холодильника очередную консерву, а из шкафа — очередную ложку, он подошел к кровати и сел ужинать. Утренний ритуал в обратном порядке шел по расписанию. Зачерпнув красный сгусток мяса и поднеся ложку ко рту, мужчина остановился и посмотрел вверх. С потолка доносился шум: топот, глухие разговоры и крики, звуки бьющейся посуды и падающей мебели.

«Видимо, соседи опять что-то не поделили. И как два человека могут уживаться вдвоем? Это же с ума можно сойти. Впрочем, у меня и в одиночку это неплохо выходит», — подумал мужчина и положил ложку в рот.

Вычерпав остатки и облизнув ложку, герой открыл окно и выбросил в него банку. Банка приземлилась аккуратно рядом со своим утренним собратом. За окном давно наступила ночь. Мужчина умылся, выключил свет и лег в кровать. Глядя в открытое окно, он чувствовал, как его глаза понемногу смыкаются. Завтра его ждет великий день, когда он сможет прогулять свою никчемную работу. С этой мыслью и легкой улыбкой он заснул. Но, подойдя в очередное утро к окну, герой сможет убедиться в одной очень простой истине — осень только начиналась.

Тяжелая металлическая дверь с громким скрипом медленно открылась. Характерный щелчок разнесся в темноте, лампочки на потолке одна за другой зажглись, и вся каменная угловая лестница озарилась светом. На лестнице послышался размеренный топот. Спускающийся человек отчеканивал каждый свой шаг, и это служило оповещением для жильца затхлой комнаты. В подвал спускался хозяин подземелья.

Нога ступила на каменный пол, и в полный рост показался он — взрослый мужчина, проживший на этом свете треть века: высокий, черноволосый, гладковыбритый, одетый в полностью черный костюм с фиолетовым галстуком. Всем своим видом он показывал, на какой недостижимой ступени стоит в сравнении со своими горожанами. Отличительной чертой были шрамы, украшающие его лицо. Короткие и длинные порезы, напоминающие ему о прошлой жизни, о том, через что ему пришлось пройти, и служащие превентивной мерой устрашения, размещались по всему лицу. Холодные темно-серые глаза были устремлены вперед, на цель, а безразличный взгляд говорил о том, что его жертву не ждет ничего хорошего, как, впрочем, и других, на кого его взгляд падал. На равнодушном выражении лица растянулась широкая пластиковая улыбка: уголки губ приподнялись, а вокруг глаз появились легкие морщинки.

— Биинимкаааа! — радостно крикнул мужчина, упираясь руками в стены прохода. — Здравствуй, мой давний друг! Надеюсь, в такой славный и светлый день твое прозябание в этой

сырой дыре не заставило сгнуть твои платы? Это было бы очень прискорбно, ведь мы так с тобой редко общаемся. Бимка! Просыпайся, Бимка!

Напротив хозяина подвала, в нескольких метрах от него, находилась машина. Небольшой матовый черный куб, созданный из материала, непостижимого для рационального объяснения, стоял на горизонтальной витрине, как экспонат в музее. Из него в разные стороны разветвлялись провода, уходящие в глубину стен подвала, туда же, где были спрятаны трубы канализации, которые временами даже через толстые стены издавали едкий смрад. Усталый, хриплый звук, как у человека, которого силой оторвали ото сна, начал доноситься из куба. Жилец пробуждался.

— Это ты, безумный тиран? Конечно, это ты. Владыка горя и печали. Зачем ты решил ко мне спуститься? Поглумиться? Упитья моими страданиями? Нет, конечно, нет. Это тебя уже не веселит. Видимо, мне нужно исполнить очередную пакость для тебя.

— Как неучтиво, как грубо. Фу. Что за манеры, дружище? Неужели это я тебе привил свои манеры? Думаю, мне придется поработать над собой и над тобой тоже. Я всё-таки лицо этого города, и нужно подавать пример тем, кого мы приручили. Но хватит лирики: на самом деле нам предстоит всё та же скучная рутина, и мы должны её выполнять, иначе как мы сможем исполнить мой величайший шедевр?

Человек прошел в помещение и сел на стул рядом с витриной. Он закинул ногу на ногу и, сложив руки на груди, продолжил:

— Что нового? Что слышно на улицах? Как поживают мои любимые горожане? И самое главное — появился ли гость? Не хотелось бы пропустить такой поворотный момент в нашей истории.

Куб глубоко вздохнул и начал свой доклад:

— Обстановка в городе прежняя. «Дети» вас боятся и скрыто презирают, «Пожиратели» делают вид, что вас любят, но при этом также вас боятся. «Альты» несут свою службу. Была попытка проведения голосования о возможном втором митинге.

— Неужели! — хлопнув в ладоши, воскликнул человек. — Дети идут по стопам своих отцов. Это так мило. Не знаю, даже гордость берет за них. Так, не томи, продолжай.

— Проголосовала только треть «Детей». Результаты таковы: шестнадцать за проведение митинга, восемьдесят четыре против.

— Эх, — махнул рукой человек. — Ничего удивительного. Скучно!

— Однако во время вывешивания голосов на бумажных плакатах цифра шесть оказалась плохо закреплена, поэтому сорвалась и, перевернувшись, стала цифрой девять.

— Будет им знамением, что гвозди надо лучше делать. И да, передай, чтобы всех этих любителей проводить выборы отправили в избавительное учреждение. Там их выборы будут многое значить. — Хозяин на минуту замолчал, задумавшись и потирая подбородок. — Так, а что с гостем?

— Замечен не был.

«Ну ничего, я долго ждал, подожду ещё. Наступит день, когда мы встретимся вновь. И вот тогда...» — подумал хозяин.

— А скажи мне, сколько сегодня отправили на переработку?

Бим не нашел, что ответить на этот вопрос, и хозяин, твердо и четко проговаривая слова, повторил:

— Сколько человек сегодня ты казнил?

— Ни одного, — тихо и замешкавшись проговорила машина.

— А почему? У нас что, сегодня праздник или какой-то особенный день? Календарь я с утра проверил и ничего такого не заметил. Почему оборудование простаивает без дела? Ответь мне, запланирована ли у нас сегодня экзекуция?

Человек исподлобья смотрел на жильца, и потихоньку на его лице начала разрастаться довольно мерзкая ухмылка. Бим долго держал паузу, а хозяин позволял ему это, потому что понимал, что его воля в конечном счете будет исполнена, и видеть, как кому-то приходится мучиться при выборе, хотя результат был предрешен, было для него сродни веселью и азарту. Человек ждал, пока Бим, как нашкодивший ребенок, не решил ему ответить:

— Запланирована.

Хозяин радостно шлепнул себя по бедру.

— Так это же замечательно! Фух, — провел он по лбу, показывая, будто вытирает пот. — Я уже начал думать, что у меня признаки деменции. Спасибо тебе за твой честный и рассудительный ответ. Если ты не смог этого сделать, то давай сделаем это вместе. Я тебе помогу. Вспомню славные деньки.

Хозяин резко встал со стула и направился к противоположной стене подвала. К стене был прикручен рычаг, кабель от которого шел к кубу. Рядом с рычагом висел плакат, на котором была расчерчена таблица. В первой колонке шло допустимое напряжение, а во второй — максимальное. Мужчина внимательно рассматривал таблицу, потирая подбородок, словно выбирал блюдо из представленного меню. Бим, наблюдавший за ним и предчувствовавший последствия неисполнения своих обязанностей, быстро и истерично заговорил:

— Прошу вас, Господин Мэр, не нужно этого делать, я сделаю всё сам. Я искренне раскаиваюсь в том, что мои слова и моё поведение заделали вас, что я не выполняю данную мне работу. Я исполню любое ваше пожелание, но только, пожалуйста, добрый господин, не тяните за рычаг.

Удивленный человек повернулся к кубу.

— Господин Мэр. Мм, это словосочетание — улада для моих ушей. А куда же подевался недавний тиран? — человек осмотрелся вокруг. — Ты его случайно не видел?

— Я, я... — голос запнулся у машины, — я прошу вас о прощении. Я молю вас о прощении! Я корю себя за свой грязный язык. Я ничтожная машина, и я сделаю всё, что скажете, но только умоляю, добрый господин, не делайте этого.

Мэр подошел к кубу и, нежно положив руку на гладкую поверхность, начал медленно его поглаживать. Из куба доносились едва слышимые, приглушенные всхлипы.

— Тшш, тихо, успокойся. Всё у нас будет хорошо. Не нужно никого бояться. Твои слова потрясли меня до глубины души. И я... верю в них. Я верю тебе. Так что давай вытри своей воображаемой ручкой воображаемые слезки, придумай себе платочек, высморкайся в него и с чистым лицом улыбнись...

Мэр с улыбкой посмотрел на Бима, как отец смотрит на сына, хотя история их взаимоотношений говорит о том, что всё должно было быть наоборот. Мужчина убрал руку с куба и вернулся к рубильнику.

— Улыбнись миру. Ведь представь: сейчас где-то в городе зародилась жизнь. Новый горожанин, появился на свет, и это начало его пути. И мы должны помочь ему в этом. Помочь ему, выполняя наши обязанности и делая этот мир, по-моему, лучше. Помочь нам всем, — тон Мэра с веселого и легкого сменился на обычный, равнодушный. — Впрочем, как и помочь покинуть этот мир заждавшемуся в избавительном учреждении нашему незнакомому другу.

С последним словом Мэр опустил рукоятку рубильника. Раскатистый вопль разнесся по подвалу. Мэр на мгновение останавливался, поднимая рукоятку, то заново опускал её. Минуту длилось исполнение приговора, и по помещению начал разноситься запах гари.

— Я сделал, я сделал! — закричала машина.

Мэр поднял рукоятку и с довольным лицом посмотрел на Бима.

— Ну вот, можешь, когда захочешь. Стоило ли доводить меня до этого? Совсем меня не жалеешь, — Мэр приблизился к Биму и прикрыл нос рукой. — Фу, что за вонь! Это твои сгоревшие платы так воняют или ты обдристался? Но ничего, со всеми бывает.

Погладив машину по грани, хозяин сел на свое излюбленное место и, достав сигарету, закурил.

— На днях я зайду с проверкой в избавительное учреждение. Посмотрим, как ты справляешься в моё отсутствие, а то в последнее время ты каким-то непослушным стал. Совсем от рук отбился. А теперь наша любимая часть представления. Скажи мне, кто ты?

Послушным, измотанным голосом в бесчисленный раз, как осужденный, выходящий перед строем в тюремном лагере и называющий свою статью, машина произнесла:

— Я всего лишь звук из машины, транслирующий вашу волю. Я преступник и террорист, запертый в трех измерениях куба, чтобы искупать свои преступления. Я пресмыкающееся, которому более не позволено быть выше земли. Я тот, кто был всем и стал ничем. Я Б.И.М.

— Верно, Бимка. Ты распоряжаешься жизнями горожан, а я распоряжаюсь твоей — так и должна работать пищевая цепочка. Так и должна работать безвольная машина.

Мэр встал со стула и направился к выходу.

— Надо будет сказать, чтобы сюда прислали механиков, а то вонь ну просто ужас.

Хозяин громко засмеялся и, поднявшись по ступенькам, выключил свет. Тьма снова сковала подвал, и его жилец получил шанс на короткую передышку и зализывание ран.

Глубокий вдох, а затем выдох пронзили пространство. Грудная клетка расширилась, а затем сузилась. Капли воды падали с потолка на забинтованное лицо, а затем вместе с потом стекали на черную наволочку. Запах сырости и грибка распространялся по комнате. Человек пробудился ото сна.

Больные, красные глаза смотрели на потолок, наблюдая за падением капель, и зажмуривались каждый раз, когда они бились о лоб. Взгляд опустился к открытому окну. Сильный сплошной дождь вбрасывал свою армию на пол комнаты, где за время отсутствия человека образовалась небольшая лужа. Зябкий холод неспешно полз от окна и дотрагивался до ног засони. Осень только начиналась. Мужчина протер ладонью лицо, смахивая скопившуюся воду. Не отрывая взгляда от потолка, он сел на кровать.

«Неужели соседей затопило?» — подумал человек, переводя взгляд с потолка на лужу на полу. — «Впрочем, как и я. Вот тебе и социальные этажи. Нужно было запереть окно».

Он был готов начать очередной забег к туалету и, резко поднявшись, сразу же упал на пол, повторяя свою ошибку. Его ноги, как и всё тело, атрофировались. Озноб, не сильно чувствовавшийся под в какой-то мере теплым одеялом, пробил тело. Рвота, не дожидаясь, пока он дойдет или доползет до унитаза, без команды к выходу вырвалась на отсыревший паркет. Остатки пищи смешивались в луже перед ним, образуя подобие негустого супа. Вытерев рот и опершись на дрожащие руки, мужчина встал на свои исхудавшие, дрожащие ноги и медленными шагами, как младенец, учащийся ходить, побрел в ванную.

Разбитая плитка, свалившаяся со стен, лежала на полу и в ванне. В мутном, запыленном зеркале нельзя было разобрать свои черты, вообще ничего. Мужчина подошел к нему и провел ладонью, оставляя вместо грязи широкую линию пота и жира. Его зрачки расширились. Длинные седые лохмы доставали до плеч. Белки глаз стали полностью красными. Открыв рот, он обнаружил пустоты на месте некоторых боковых зубов.

«Неужто проглотил?» — подумал он, копошась пальцем во рту.

Герой немного оттянул бинт под глазом и увидел обвисшую кожу и глубокие морщины. Он приложил бинт на место, словно думая, что тот поможет подтянуть лицо, но из-под него, из того места, которое он успел разглядеть, понемногу начала капать кровь. Резко убрав руки от лица, человек с ужасом произнес:

— Как же я постарел, Боже мой, как же я постарел! Живой труп я вижу перед собой. Сколько времени прошло? — запнувшись на мгновение, человек схватился за голову. — Сколько же я спал? Смог ли я наконец-то пропустить работу? Я ничего не помню. Зеркало! Ответь мне, зеркало, что со мной произошло?!

Но ему никто не ответил, человек из Зазеркалья молчал. Мужчина вздохнул и повернул кран. Но вместо причитающейся ему воды тот издал змеиное шипение и выплюнул в раковину горсть пыли. Растрескавшаяся раковина, долгое время стоявшая без дела и не ожидавшая такого напора, рухнула на пол и разбилась. Герой, еле успев отскочить назад, потерял равновесие и упал, ушибив спину. Всё, что его окружало, всё, что он знал, сгнило. Внизу запах становился особенно невыносимым.

Человек поднялся на ноги и, держась за спину, вышел из ванной. Вся комната проросла трещинами, и можно было подумать, что еще немного — и потолок, да и весь дом рухнули бы вместе с ним. Подойдя к окну, шаркая по луже, он подставил ладони под проливной дождь и, набрав горсть воды, приложил её к лицу. Ему стало немного легче. Взявшись за створки, он хотел закрыть окно, но рама не выдержала и с оглушительным грохотом вместе с частью стены упала в груды мусора, оставив на своем месте сквозную дыру. Дождь в полную силу хлынул в комнату. Груды мусора за время его отсутствия превратились в гору, на которую при желании можно было спрыгнуть и скатиться вниз, а в её утробе виднелись части позабытого трупа. Словно в свежем пазле, в котором при открытии упаковки можно было местами увидеть уже собранные части картины, не успевшие разделиться во время транспортировки, герой опознал кости стоп, рук и небольшую часть головы с пустой открытой глазницей, выглядывавшей из-под целлофана, железа и другого мусора и всё так же смотрящей в сторону бывшего окна.

Мужчина приблизился к обрыву и выставил вперед своё тело, таким образом принимая душ. Вода обтекала его полностью, заполняя поры всех частей тела, до которых она могла добраться. Герой почувствовал себя немного живым среди мертвых вещей и людей.

Внезапно живот свело, и голод пронзил его. Человек, ведомый инстинктами, подошел к холодильнику и открыл его. Электричество давно перестало поступать в оборудование из-за прекращения подачи в дом или просто из-за того, что отсырела проводка. Мужчина взял консервную банку и открыл её. Несмотря на то что внешняя часть банки проржавела, внутри еда не испортилась.

«Неудивительно: даже если оставить тебя открытой, ни одна бактерия не захочет пожить с тобой», — подумал он и набросился на банку, вырывая пальцами клочья содержимого и жадно кладя их себе в рот.

Такого голода он ещё не испытывал. В процессе насыщения его глаза — не от удовольствия или гастрономического вкуса, а от наступающей сытости и приятного утяжеления желудка — закатывались и опускались, пока взгляд не остановился на дыре. Он вспомнил про своего старого приятеля, который при каждом открытии банки улавливал её запах и спешил к своему кормильцу. Но сейчас этого не произошло.

На месте маленькой дыры, в которую мог поместиться только муравей, зияла большая прореха шириной с кулак. Радиальные трещины от неё длинными канавами разрезали стену, напоминая паутину, в глубине которой притаился хищник. Мужчина поставил банку на кухонный шкаф и, приблизившись к дыре, заглянул в неё. Ничего, кроме тьмы, он не увидел, но почувствовал, как из глубины на него подул легкий ветерок, словно кто-то дыхнул. Герой захотел просунуть руку и что-нибудь нащупать, но быстро передумал. Его интерес был намного меньше, чем страх перед неизвестным, который постепенно сковывал его.

— Эй, дружок, ты там? — проговорил он в дыру. — Там кто-нибудь есть? Пошевелись или издай какой-нибудь звук.

Мужчина подставил ухо и начал вслушиваться, стараясь уловить малейшие звуки. На мгновение ему захотелось, чтобы с ним по ту сторону стены кто-нибудь заговорил: неизвестный

сосед, которого он никогда не видел, или хотя бы муравей, хоть он и знал, что муравьи, скорее всего, не умеют разговаривать. Постояв на коленях минуту и вслушиваясь в тихий гул ветра, герой решил, что это гиблое дело, и разочарованно вздохнул. Отстранив голову от прорехи и уже собираясь вставать, он услышал его. Топот. Множественный легкий топот, похожий на топот множества детских ножек. Недоброе предчувствие охватило его, и сердце начало биться быстрее. Интерес взял верх, и, учащенно дыша, герой снова заглянул в дыру. Но в тесном отверстии всё так же не было ничего видно, пока человек, постепенно вглядываясь в темноту, не понял: всё время, пока он смотрел на неё, она тоже смотрела на него. Огромный черный фасеточный глаз, который можно было легко принять за разыгравшееся воображение, изучал мутно-серый зрачок человека. Страх сковал героя. Боясь пошевелиться и спровоцировать глаз, он даже перестал дышать и двигать зрачками.

За стеной начало доноситься рычание: сначала тихое, но потом его сила постепенно начала увеличиваться, как у сторожевого пса, заметившего незнакомца, собирающегося проникнуть на его территорию. Рычание всё усиливалось и усиливалось, и можно было ожидать, что скоро донесется лай. Мужчина на четвереньках постепенно отползал назад, не отводя взгляда от дыры. Но взгляд всё-таки пришлось сместить немного выше. На его глазах стена начала рассыпаться, осыпаясь прогнившей штукатуркой на отсыревший пол. Нечто по ту сторону начало её таранить.

— Что ты за тварь?! — почти скованным от страха голосом прохрипел мужчина, отчего начался приступ кашля.

Пока мужчина справлялся с кашлем от неудачных попыток пробиться, рычание сменилось длинным и протяжным скулежом. Удары прекратились, и началось скребение. Тварь просилась домой.

— Ну уж нет, — оклемавшись, сказал мужчина, вставая на ноги. — Таких гостей я у себя не жалую. Что не получается! Оставайся по ту сторону. Ради моей безопасности и своей.

Герой вышел в комнату и осмотрелся вокруг. Квартира, служившая ему оплотом спокойствия и хоть какой-то нормальной жизни, стала больше походить на гробницу, в которой, если он ещё немного задержится, таковой станет на ближайшие сотни лет. Впрочем, может, квартира всегда была местом, где человек гнил заживо, а он просто не хотел этого признавать. Мужчина вздохнул и решил покинуть это место навсегда.

На кухне, взяв проржавевший нож, герой прошёл в ванную и, стоя перед зеркалом, отрезал длинные седые локоны, возвращая своей причёске в какой-то мере обычный вид. Положив руки на пол, он прислонил остриё к отросшим ногтям и, словно нарезаю овощи, начал шинковать их. Ту же участь ждали и ногти на ногах. Когда приведение себя в порядок было окончено, человек направился к гардеробу в прихожей.

Открыв шкаф, он увидел классический костюм черного цвета с черной рубашкой и черные матовые туфли. Никогда прежде он не надевал этот костюм, ждал подходящего случая, и вот он настал. Когда он надел его и посмотрел на себя в зеркало, его взгляд упал на единственное, что выбивалось из образа человека, готового умереть хоть сейчас, — фиолетовый галстук. Он поправил его и прошёлся ладонью по ткани костюма. Одежда была великовата и смотрелась громоздко и комично на исхудавшем больном теле.

Вернувшись в комнату, он взял с пола наполовину размокшие сигареты с вложенной внутрь зажигалкой, чудом не выпавшими наружу вместе с подоконником, и посмотрел в развороченную дыру, за которой потихоньку стихал дождь. Пытаясь вспомнить хотя бы один солнечный день, он чувствовал, как мысли его то терялись, то путались. Мужчина дотронулся до стены рядом с проломом и произнес:

— Спасибо тебе, квартира, за прибежище и ту спокойную гавань, что ты давала в те тяжелые времена, когда меня мучили кошмарные сны. Сколько лет я прожил здесь, и вот больше оставаться не могу. Заразил я тебя своей болезнью, и ты за это прости, — человек окинул

взглядом интерьер. — Надо было всё-таки навести порядок, может быть, тогда до этого и не дошло.

Мужчина похлопал по стене и собирался наконец-то покинуть дом, но перед кухней остановился и прислушался. Из дыры ничего не доносилось. Пройдя к холодильнику и открыв его, он достал все консервы, какие там можно было найти, и, открыв их все, аккуратно выставил перед стеной в надежде, что его старый приятель решит заглянуть к нему.

В прихожей мужчина надел поверх костюма черный плащ и, подойдя к двери, опасаясь, что тварь из-за стены могла его поджидать, посмотрел в дверной глазок. По ту сторону никого не было. Герой вздохнул и, надавив на дверную ручку, открыл дверь. Занеся ногу за порог, он остановился.

«Конечно. Как я мог забыть», — подумал мужчина, поворачивая голову в сторону придверной тумбы.

Открыв её, он достал из глубин самый главный атрибут любого уважающего себя горожанина, чтящего законы современного уклада. Символ и понимание его сущности. Пластиковая маска темно-коричневого цвета с большими вырезами под глаза и небольшим вытянутым черным ртом, похожим на утиный. Герой надел её и, в последний раз взглянув на себя в зеркало, сказал:

— Хорошей тебе прогулки.

Улыбнувшись, он вышел за дверь, вышел в жизнь, чтобы больше никогда в неё не вернуться. Экскурсия для него была оплачена в один конец.

В пустой квартире, в запыленном зеркале осталось его отражение, не спешившее идти в ногу со своим хозяином, медленно поправляющее маску и разглаживающее костюм.

— О да, прогулка будет просто замечательной. Ты в этом не сомневайся. Уж я-то контролирую.

Человек спускался по лестничному пролету, а позади него оставался старый мир. На двери его квартиры осталась висеть прикрепленная табличка — единственное напоминание всем о том, что когда-то здесь жил человек, который в один из дней решил прогулять свою работу и просто пройтись по городу. На облезлой табличке было аккуратно выбито два слова: «Доктор Утконос».

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.